

Раздался свисток, возвещающий о начале второго тайма, ветер взметнул обрывки травы, швырнув их в лицо, словно безмолвная расплата.

Соперник выпустил на поле Чэнь Юя — того запасного вратаря, которого Се Линь выбросил, как ненужную вещь. Молчаливый, тощий, с взглядом замерзшего озера, в котором не было ни единой ряби. Он стоял перед воротными штангами, и даже его дыхание казалось подчиненным чужому ритму.

Первый удар: Лу Цзин бьет левой ногой с подкруткой, мяч с визгом проносится вплотную к внутренней стороне штанги. Чэнь Юй не стал прыгать, он лишь подался корпусом вбок, слегка приподняв правую ладонь — мяч чиркнул по кончикам пальцев, отскочил в перекладину и упал обратно на газон.

Второй удар: финтом раскидав двоих защитников, Лу Цзин ворвался в штрафную площадку и пробил низом в мертвую зону. Чэнь Юй на полшага опередил его в подкате, кончики его пальцев едва коснулись кожи, и мяч, словно притянутый магнитом, намертво прилип к его ладони.

Третий удар: Лу Цзин применил «тройной обратный прорыв», которому его научил Се Линь, обошел троих подряд и замахнулся — на стадионе замерли все. Именно этим фирменным приемом он семь лет назад забил свой первый гол в профессиональной лиге.

Мяч, словно падающая звезда, полетел точно в верхний правый угол ворот.

Чэнь Юй двинулся.

Его движение было медленным, как замедленная видеозапись, но при этом пугающе точным. Правая нога оттолкнулась от газона, левая рука вытянулась, тело изогнулось в дугу, бросающую вызов законам анатомии — кончики пальцев легко коснулись нижней части мяча.

Мяч был «вытолкнут» наружу.

Не отражен, а направлен.

Трибуны взревели.

Лу Цзин стоял на месте, не двигаясь. Он вглядывался в запястье Чэнь Юя, в то едва заметное, почти неуловимое внутреннее вращение кисти при сейве. Семь лет назад в дождливую ночь Се Линь снова и снова поправлял его: Не пытайся остановить мяч телом, думай головой. Вратарь не преграждает путь мячу, он угадывает чужие мысли.

Лу Цзин на мгновение прикрыл глаза.

В перерыве он под предлогом сходить в туалет обошел поле и заглянул в гостевую раздевалку. Дверь была приоткрыта, Чэнь Юй, опустив голову, приводил в порядок экипировку и даже не взглянул на него.

— Ты подражаешь Се Линю, — сказал Лу Цзин.

Чэнь Юй замер на секунду, не поднимая головы:

— Ты помнишь.

— Ты тренировался семь лет.

— Семь лет и четыре месяца. — Чэнь Юй наконец поднял глаза, его взгляд был совершенно спокоен. — После того как ты ушел, он каждый день в четыре часа утра в одиночку тренировал сейвы на пустом поле. Я подглядывал. Те движения, которым он учил тебя, я не упустил ни единого.

Он вытащил из кармана сложенную вдвое полоску бумаги, положил ее на скамейку и повернулся, чтобы уйти.

Лу Цзин развернул листок.

Ты тогда сказал, что вратарь не преграждает путь мячу, а угадывает чужие мысли. Я тренировался семь лет только для того, чтобы дожидаться твоего возвращения.

Края бумаги были затерты от постоянных прикосновений, будто их размочили слезами, а затем высушили ветром.

Сжимая записку в кулаке, Лу Цзин бросился к тренерской.

Дверь не была заперта.

Се Линь стоял к нему спиной, сжимая в руке какой-то контракт и медленно, клочок за клочком, разрывая его на мелкие кусочки.

— Трансферный договор Чэнь Юя, — Се Линь не обернулся. — Клуб класса А, восемь миллионов, только потому, что он понимает мою систему.

Лу Цзин стоял на пороге, и его голос звучал так тихо, будто лезвие ножа скользнуло по стеклу:

— Ты даже спасение людей просчитываешь как издержки?

Руки Се Линя замерли.

Обрывки бумаги полетели из межпальцевых промежутков, напоминая снег.

— Он не гений. — Лу Цзин приблизился и швырнул записку на стол. — Он всего лишь тень, от которой ты избавился. Ты боишься, что он станет таким же, как ты, боишься, что он напомнит тебе о том, что ты собственными руками заглушил того, кто был способен тебя понять.

Се Линь наконец повернулся.

Его глаза покраснели, губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова.

— Ты знаешь, почему он смог отразить мой удар? — спросил Лу Цзин.

Се Линь покачал головой.

— Потому что он помнит каждое движение, каждый ритм, каждый промежуток между вздохами, которым ты меня учил. — Лу Цзин в упор смотрел на него. — Всё, чему ты меня учил, я помню. А он помнит то, чему ты учил меня, — поэтому он понимает меня лучше, чем ты.

Гортань Се Линя дернулась, словно он проглотил раскаленный кусок железа.

— Я... — начал он, и голос его звучал хрипло, совсем не как его собственный. — Я думал... он всего лишь запасной, никому не нужный мусор.

— А ты? — Лу Цзин горько усмехнулся. — Ты ведь тоже думал, что я — выброшенный тобой мусор?

Се Линь резко поднял голову, и слезы наконец упали на бумажные обрывки.

Лу Цзин больше ничего не сказал и повернулся, чтобы уйти.

В конце коридора Чэнь Юй прислонился к стене, держа в руке сумку и собираясь уходить.

— Ты не уходишь? — спросил Лу Цзин.

Чэнь Юй покачал головой:

— Я жду тебя.

— Чего ты ждешь от меня?

— Жду, когда ты скажешь... — Чэнь Юй замолчал, и голос его прозвучал тихо, словно дуновение ветра, — ...будешь ли ты еще кого-нибудь учить угадывать чужие мысли.

Лу Цзин остановился, глядя на этого молчаливого, похожего на тень парня, и вдруг улыбнулся.

Он протянул руку и вытащил из кармана помятый клочок бумаги с тактической схемой — ту самую, которую Се Линь порвал семь лет назад, а Лу Цзин тайком собрал по кусочкам.

Он оторвал половину и протянул Чэнь Юю.

— С завтрашнего дня, — произнес он, — будешь тренироваться со мной.

Чэнь Юй взял обрывок, ничего не ответив, лишь прижал записку к груди, словно залечивая шрам на сердце.

Вдалеке, у дверей своего кабинета, стоял Се Линь, сжимая в руке вторую половину тактической схемы до побелевших кончиков пальцев.

Он наконец понял:

То, что он разорвал, была не тактика. Это было спасение.

А Лу Цзин никогда не ненавидел его.

Он просто ждал, когда тот снова научится быть человеком.

<http://bllate.org/book/19070/1873140>